

Живет в Москве (Россия).

АНДРОГИН

* * *

Ночь и недостаёт
Дня — и в который раз
В зеркале тень встаёт
Хозяина этих ваз.

Не смотри на неё.
Телом перевяжи
Оставленное, твоё
Место моей души.

Но даже если опять
Наступает среда,
Я не смогу воспрять.
Буду таким всегда.

Будет февраль лютей.
Мы в феврале вдвоём
Видимы для людей
Только в окне твоём.

* * *

Когда умру меня прочтёт народ.
С трикирием стеречь нефтепровод
Меня назначат. Слуги Вельзевула
Не подойдут и близко потому,
Что ты сидишь в своём земном доме
На освещённой половинке стула.
Я буду лук бросать и сельдерей
В котёл, в котором варится Борея,
Что вскоре будет послан мной на Землю,
Подстрочники поэтам отправлять,
Чтоб было легче им стихи писать,
Пристрастно веря женщинам и зелью.
(Бореем буду чистить их тела),
Чинить для Афродиты кадиллак,
И молнии выращивать в сосуде,
Которые ты в час закатный ждёшь,
Надев платок. Но если ты умрёшь,
То после смерти ничего не будет.

* * *

Женские героини, пошедшие от Эвридики,
Всегда предстают неожиданными местами,
Которые хочется соцветиями гвоздики
Скрыть или даже дальними поездами.
А потом, собственный профиль нарисовав в блокноте,
Вывать лист и одарить им сонную проводницу,
Душу свою не похерив на какой-нибудь там работе
В Курске напиться, вернуться и лечь в больницу.
И заняться любовью с малахольную медсестрою
Или лучше с врачом, выпускницей второго меда
В российской столице верно преданной метрострою,
Целовать её словно землю в алмазные зубы снега.
Или может не лечь в больницу, а просто дома
Пить безастановочно чай, выпаявать андрогина.
И понять со временем что это — всё это — кома
В которой спящему мозгу не хватает адреналина.
Но меня любит та, что вопреки американской литературе
Плоть мою бестелесностью провязала.
Зимним утром в зале ожидания на вокзале в Туле
Сильно хочется красного винограда и пармезана.

[Страница автора в сети](#)

